

Содержание

Руки женщин моей семьи были не для письма

I. Брови	7
II. Глаза	14
III. Волосы	25
IV. Рот	36
V. Плечи	43
VI. Руки	50
VII. Язык	59
VIII. Спина	69
IX. Ноги	79
X. Горло	87
XI. Живот	94

Автокомментарий, предваряющий поэтическую часть книги	105
--	-----

Поза Ромберга

I. Плечи	112
II. Имена собственные	114

Руководство для эксплуатации генератора импульсов Verseice для глубокой стимуляции головного мозга

I. Описание устройства	121
II. Информация по технике безопасности	124
III. Подготовка устройства	132
IV. Использование пульта дистанционного управления	133

Руки женщин моей семьи были
не для письма

*Никто никогда не заключит в объятия ни сына,
у которого нет отца, ни отца, у которого нет сына.*
Хаким Фирдоуси. Шахнаме

*Ни одна жизнь не достойна того,
чтобы стать основой для романа.*
Орхан Памук

*Моя мать сказала: Тьма моего чрева — это все,
чем ты владеешь.*
Афина Фаррукзад

Прошлое не мертво. Оно даже не прошлое.
Уильям Фолкнер

І. БРОВИ

В овальном зеркале отражались большие густые черные брови, которые, по строгому заявлению матери, нельзя было выщипывать. Дело было не только в том, что Аллах запретил своим созданиям менять что-либо в теле, но еще и в том, что я была не замужем. Ведь главным событием в жизни любой азербайджанской девочки непременно является свадьба, и только она дарует право на перемены, даже если они не одобряются Аллахом. В маленьких горных поселениях можно было легко отличить незамужнюю и невинную девочку от уже замужней женщины: главным и первым, что их отличало, были брови.

Тонкие, словно нарисованные тушью, ровные и почти искусственные, они говорили окружающим, что теперь девочка навечно стала женщиной, а значит, ее густые брови, похожие на райские кущи, остались позади. Правда, в обычной русской школе большинство девочек, любуясь на себя в маленькое круглое зеркало из «Роспечати», совершенно спокойно выдирали бездушными металлическими щипчиками непослушные жесткие волоски, обрамляющие глаза. Я долго раздумывала, в чем же вред выщипывания бровей, если на следующий день одноклассницы были все такими же и даже немного счастливее. Каждый день мои брови будто бы разрастались по лицу, но если у подруг это были светлые лианы, то у меня темные и очень заметные огромные крылья горной птицы. Вопрос, как поступить с бровями, был все таким же острым, когда мы поехали к родственникам отца в Баку, — где в маленькой комнате на кровати лежали друг на друге плотные матрасы и разноцветные одеяла со множеством орнаментов на них. Большая часть матрасов была набита собственноручно: сначала баранью шерсть долго промывали, затем заботливо раскладывали под

ослепительным бакинским солнцем прямо во дворе, пока не наступал долгий и мучительный процесс их сборки. Чистые наволочки, украшенные розами, быстро наполнялись содержимым, словно вспоротое брюхо индейки начинкой, мама и биби¹ плотно утрамбовывали шерсть, а затем вручную сшивали края. Тело матраса также оказывалось пронизано большими стежками посередине, для этого брали самую большую и толстую иглу, шить которой было тяжело и опасно: руки то и дело оказывались в кровавых созвездиях. Именно на этих любовно сшитых и разложенных друг на друге матрасах мы сидели с двоюродными сестрами и молчаливо наблюдали, как взрослые женщины с блестящими кольцами на руках выщипывали друг другу брови с помощью шелковой нити. Помню, как думала, откуда их руки узнали все эти тайные движения, как научились так стремительно и быстро управлять нитью, чтобы она безошибочно убирала лишнее и оставляла нужное. Кожа, узнав горечь утраты, быстро краснела, словно оплакивала каждую утраченную волосинку. Спустя двадцать минут вместо прежних бровей оказывались новые: выгравированные на коже, как орнамент на вазе, холодные, спокойные, не знающие своего прошлого, они придавали лицу обладательницы новое выражение. Известное только тем, кто познал силу собственной воли и возможность менять тело. То же выражение лица было и у подружки детства, когда мы встретились после ее свадьбы в жаркий бакинский день: облегчение, ведь больше не требовалось нести тяжкую ношу невинности и вместо запретительных «нельзя» появилось множество «наконец можно».

С одной стороны, мне нравилось общаться с многочисленными двоюродными сестрами, тетями и прочими родственницами: ведь они выросли и жили в мире

¹ Биби — тетя, сестра отца.

знакомых мне правил, понимая то, что было невозможно объяснить одноклассникам. С другой — они сами стали самыми строгими хранительницами правил, когда-то придуманных для них: если кто-то делал нечто постыдное или отличное от традиционного, можно было не сомневаться, что об этом все узнают, благодаря длинным языкам представительниц диаспоры. А потому признаться сестрам в сладковатом и запретном желании выщипать брови я не могла и тайком завидовала одноклассникам, не отягощенным бесконечным сводом запретов и способным самим распоряжаться своими телами.

После долгих раздумий в один из выходных дней я стащила материнские щипчики и решила тайно удалить парочку самых неприятных и заметных волосков между бровям. В итоге дело увенчалось успехом, щипчики вернулись на исходное место, а волосинки были смыты с тела белой скользкой раковины. Хотя я испытала небольшую радость и мне стало спокойнее в окружении одноклассниц и подруг, глобально это ничего не изменило: мир не рухнул, а мое тело не обесценилось. Какими были брови женщин, окружавших меня, почему они были такими?

Еще с детства я точно знала, что похожа на маму: об этом свидетельствовали не только фотографии в семейных альбомах, но и слова всех людей, входящих в дом. Всматриваясь пару минут сначала в мое детское лицо, а затем в материнское, они радостно заключали: «Вся в маму». Помню, что меня всегда это изумляло, почему все так отчаянно ищут сходство? Будто оно не заложено внутри самим фактом сотворения и рождения, — может быть, в этом желании просвечивало любопытство: будут ли наши судьбы схожими, как лица? Означает ли сходство лиц сходство судеб? Были ли схожими судьбы героинь в поэмах Низами? Только вот единственное, что было у меня от отца, — брови. Мужские брови на женском лице. Почему у всякой

женщины из так называемой «восточной литературы» всегда были одинаковые брови, похожие на полумесяцы и черные, как ночь? Почему только бровям полагалось быть черными? Какими были брови Шахерезады? Наверняка черными.

Брови моей матери тоже черные, но каждый раз, когда она смотрела на меня, в них читался вопрос: была ты сегодня достойной дочерью или нет? Лишь изредка они приподнимались от радости: обычно это происходило на свадьбах — свадьбы были ее любимым событием. Не только потому, что это до сих пор главный способ социализации внутри диаспоры, но и потому, что это была долгожданная возможность выйти из дома, красиво одеться, купить себе новое платье, накраситься, нацепить любимые кольца и серьги, посплетничать с подругами и официально, не испытывая стыда, выпить бокал вина. Она любила свадьбы, потому что на них не надо было готовить, можно было забыть о своей обычной тяжелой жизни, об уборке и просто стать частью общества. Именно на свадьбе она и познакомилась с отцом тридцать лет назад, точнее — это он с ней познакомился, точнее — выбрал ее среди прочих. И одной из причин, почему он выбрал ее, были, конечно, ее густые, не тронутые ничем брови, из-под которых она изредка бросала взгляд на танец невесты и жениха. Могла ли она знать, что потупленный скромный взгляд станет причиной его влюбленности?

Такими же были и брови бабушки, со временем она совсем перестала их выщипывать — и они стали большими, широкими, похожими на ее запущенный сад, который она любила больше, чем людей. Только в сад и на швейную машинку она смотрела тепло и нежно, будто гладила их, — предметы, как и растения, никогда ее не разочаровывали, в отличие от людей. Люди, напротив, получали от нее взгляд сухой и жесткий, как заплесневелый хлеб, тебе следовало

доказать собственную пользу, чтобы взгляд этот стал мягче, а потому каждое лето все, кто оказывался в ее белом грузинском доме, был обязан отработать свое пребывание: собирать белую и красную черешню, собирать и очищать фундук, собирать фасоль в большие грубые мешки для продажи, срывать кинзу и укроп в огороде, — правда, что бы ты ни делал, взгляд ее оставался прежним, спокойным и отсутствующим, как прочный лед из-под хмурых и крупных бровей, покрытых сединой.

Такой же будто бы вечно злой и серьезный взгляд был у сестры, она, по уверениям окружающих, вся была в отца, за исключением абсолютно материнских густых бровей. Еще в детстве она унаследовала тяжелый взгляд бабушки: ее нахмуренные брови и холодный взгляд, даже на милой фотографии, где ей год, под крепкими плотными черными кудряшками торчат два злых карих глаза из-под нахмуренных бровей. Именно моим бровям она завидовала больше всего и часто сокрушалась: почему ей достались густые разрастающиеся брови матери?! Именно ей пришлось больше всего настрадаться от нападков одноклассниц и одноклассников, из-за чего она, не колеблясь ни секунды, купила собственные металлические щипчики, чтобы никто и никогда не смел над ней насмехаться.

Со временем я забыла о существовании своих бровей, меня перестали беспокоить их ширина и внешний вид, я поняла, что брови, подобно жизненному опыту, не могут быть одинаковыми. В них всегда есть отпечаток своей хозяйки. Брови начали волновать меня только спустя несколько лет в холодном сером коридоре больницы. Я сидела в огромной очереди из людей, чьи тела и лица были изуродованы, асимметричны, искажены, в их лицах было что-то нечеловеческое: что-то большее, чем жизнь. В них было так много страдания, что периодически приходилось выползать на воздух, чтобы стереть из памяти их

лица белизной спокойного зимнего неба. Мы сидели так уже два часа: казалось, что невролог замуровался в своем кабинете или умер в нем, — наконец дверь открылась, и понемногу людей стали запускать. Там, за желанной дверью, сидел единственный на всю область невролог, делающий инъекции медицинского ботокса в мышцы. Спустя какое-то время из дверей выходили совсем изменившиеся тела и лица, женщина с кривошеей выходила из кабинета с облегчением и гордо, подобно знамени, несла свою длинную красивую ровную шею. Юный парень слегка улыбался, демонстрируя миру исчезнувшую асимметрию лицевых мышц и предвкушая несколько приятных свиданий за три будущих месяца. Когда наконец очередь дошла до меня, я радостно бросилась к двери, представляя, как мое лицо, искаженное и асимметричное, вернут к его первоначальному виду. Как вернутся брови, подобные стрелам лука или полумесяцу в ночном небе, как исчезнут два уродливых осколка бровей от разбитой пиалы с неровными краями, вызванные асимметрией лица и спазмами лицевых мышц, как гордо я понесу свое вернувшееся лицо по морозной улице.

В кабинете было душно. Всё выглядело, как обычно в медицинских учреждениях, холодновато-голубым и безучастно-белым, врач слегка приспустил очки, молчаливо полистал медицинское заключение, потрогал мои плечи-лицо-руки и отрезал: вам не поможет ботокс, слишком много задето. Я продолжала сидеть, неспособная встать и уйти без обещанного мне чуда, когда он ненавязчиво открыл дверь и мягко кивнул головой.

Полгода назад именно мои брови позволили другому неврологу поставить мне диагноз. Никто не мог ответить на вопрос, что происходит с моим телом, почему я не могу контролировать мышцы рук и ног, большинство лениво заключали: «стресс» или «психосоматика» — и, не успев закрыть рот от зевка,

вытаскивали за дверь. В тот день я твердо решила, что, если и этот врач скажет, что это «психосоматика», поеду в психиатрическое отделение. Врач был молодой, ему, кажется, не было и сорока, его большое тело и густая борода сразу успокоили меня. Я знала, что он не ошибется. Заполнив бумаги, он начал осматривать тело, в какой-то момент он сел ровно напротив и попросил поднять брови, затем опустить, улыбнуться, вдруг его теплая и ровная улыбка сменилась на тревогу, он быстро схватил бумаги и куда-то вышел. Когда он вернулся, то сказал, что мне надо приехать завтра в восемь утра, мы пойдем к заведующему. Так, мои черные брови ответили на мой же вопрос, они больше не были обрамлением лица или его украшением, больше не символизировали чистоту и невинность, перестали быть генетической случайностью: они стали предвестниками большой беды, красным сигнальным выстрелом посреди океана, и, наконец, был тот, кто смог его распознать.